

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**В. П. Булдаков,
П. П. Марченя,
С. Ю. Разин**

Международный круглый стол
«Народ и власть в российской
смуте»: 6-я часть

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Narod_i_vlast-6.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

Круглый стол

Владимир БУЛДАКОВ, Павел МАРЧЕНЯ, Сергей РАЗИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ»

6-я часть (окончание)

начало в № 4–8 за 2010 год

В.Э. Багдасарян:

В качестве объяснительной модели происходящих в истории России общественных трансформаций может служить теория «цивилизационного маятника». Она позволяет обнаружить внутреннюю динамику развития цивилизаций.

Для вывода цивилизационной системы из состояния равновесия нужен внешний толчок. В таком качестве выступают иносистемные внешние проникновения. Сталкиваются парадигмы охранительства и изменчивости.

Маятниковые характеристики обнаруживаются в природе кризисов общественного сознания, под которыми в соответствии с этимологией греческой версии слова понимался исход, поворотная точка, смена вектора развития. Трансформации, сообразно с концептом цивилизационного маятника, есть следствие инноваций. В формате инновационных модификаций представлен универсальный путь развития общественных систем. Направленность развития на той или иной исторической стадии определяется параметрами сочетания инновационного и традиционного потенциалов.

При доминировании первой составляющей происходит процесс иносистемной трансформации (в российском варианте — это периоды западнического реформирования). Инновационный вектор объективно предопределен стагнацией замкнутой внутри себя системы, необходимостью преодоления сдерживающих барьеров и стереотипов, связанных с институционализированной традицией. Однако инновации объективно вызывают действие сил цивилизационного отторжения. Они задают обратный ход маятникового механизма. Кризисы в этом смысле есть максимальные точки размаха маятника. После достижения максимума инновационной амплитуды вектор общественного развития неизбежно сменяется на противоположный. Исторически реализуется период консервативной инверсии (в российском варианте — периоды контрреформ). После достижения точки кризисной амплитуды наступает смена вектора развития всей системы на противоположный.

Периодичность кризисов в истории России особо наглядно раскрывает сущность маятниковых инновационно-цивилизационных инверсий. Еще в XIX в. была замечена устойчивая повторяемость в идеологической направленности российских государей через одного. Доминанта западнических тенденций в политике одного неизменно сменялась почвенническим поворотом в последующем царствовании. Маятниковая ритмика происходящих в России инверсий еще более наглядно прослеживается в XX в.

Применение теории цивилизационного маятника позволяет переосмыслить некоторые сложившиеся историографические стереотипы. В частности, разрушается традиционная спектральная дифференциация между «левым» и «правым» полюсами. Под маркерами «консерватизм» и «революция» обнаруживаются две векторально

БУЛДАКОВ

Владимир
Прохорович —
д.и.н., старший
научный сотрудник
Института
российской истории
РАН
kuroneko@list.ru

МАРЧЕНЯ

Павел
Петрович —
к.и.н., доцент;
доцент кафедры
философии
Московского
университета МВД
России, доцент
УНЦ «Новая
Россия. История
постсоветской
России» РГГУ
marchenyar@mail.ru

РАЗИН

Сергей
Юрьевич —
старший
преподаватель
кафедры
общественных
наук Института
гуманитарного
образования
и информационных
технологий;
координатор
проекта «Народ
и власть
в российской смуте»
razin_sersei@mail.ru

антагонистические силы. Представители монархической власти могли выступать в качестве носителей революционной идеологии, а революционеры — в качестве консерваторов.

Основными параметрами фиксации общественных инверсий являются следующие индикаторы:

- уровень национальной ориентированности (уровень космополитизации);
- парадигма этатизации (популярность концепта сильного государства);
- пропагандистская актуализация образа внешнего врага (прежде всего, отношение к Западу);
- отношение к национальному историческому прошлому и традициям;
- степень сакральности высшей власти;
- дихотомия коллективистских и индивидуалистических ценностей;
- отношение к традиционным религиям;
- характер понимания исторической миссии России;
- степень автаркийности;
- отношение к гражданским правам и политическим свободам;
- уровень плюралистичности;
- степень унитарности (проблема самоопределения национальных окраин);
- отношение к армии и степень милитаризации;
- значимость проблемы национальной безопасности.

С позиций концепта цивилизационного маятника нуждается в переосмыслении традиционная схема теории модернизации. В частности, требует пересмотра линейная историческая модель модернизационных процессов. Целесообразно вести речь о нелинейном и цивилизационно-вариативном характере модернизма. В качестве примеров исторической реализации модели консервативной модернизации могут быть, в частности, оценены периоды этатистски фиксированного развития при Александре III и Сталине.

Одним из основных практических результатов разработки теории цивилизационного маятника является концептуальное примирение принципов традиции и модернизации. В рамках этой теории получает обоснование взаимодополняемость и историческая объективность обоих компонентов как интегрированного фактора цивилизационной устойчивости.

Ю.М. Антонян:

Полагаю, что таким явлениям, как рево-

люции и смуты, можно найти объяснение с помощью психоанализа и, в частности, с помощью теории К.Г. Юнга о коллективном бессознательном. Согласно этой теории, коллективное бессознательное хранит в себе архетипы, которые содержат в себе опыт прошлого. Юнг называл *Тенью* ту часть бессознательного, которая отвергается в связи с ее нравственной несостоятельностью, неприемлемостью. Тень представляет собой вытесненный в сферу бессознательного исторический опыт общества. Этот опыт вступает в противоречие с современными установками и ценностными ориентациями людей. Иными словами, он отрицает современную цивилизацию и отбрасывает общество в далекое прошлое.

XX в. дал несколько ярких примеров *возвращения Тени*. Это фашистская Германия, полпотовский режим в Камбодже, культурная революция в Китае, исламская революция в Иране. Но первой в этом ряду, безусловно, была большевистская революция в России. Большевистская революция развязала самые темные инстинкты и влечения человека, выпустила на волю силы зла и разрушения, которые до этого контролировались и сдерживались средой и самим человеком. Люди толпы вдруг почувствовали, что им все дозволено, тем более что религия, традиционно игравшая в российском обществе роль нравственного регулятора, сама стала объектом невиданной агрессии. С несравненно большей резкостью стала проводиться граница между «своими» и «чужими». На последних стали переносить все те негативные черты, которые личность бессознательно ощущала в себе. На долгие годы было остановлено экономическое развитие общества, растоптана великая культура, начато растление народа и массовое уничтожение людей. Произошла примитивизация жизни, снизился общий культурный уровень общества.

Самостоятельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, какие условия способствовали возвращению Тени в Россию начала XX в. На мой взгляд, это было возможно только при наличии следующих условий.

1. Слабость государства и институтов гражданского общества, невосприятие идей демократии и парламентаризма большинством населения.

2. «Общинно-коммунная» идеология,

предложенная большевиками, была близка и понятна населению России.

3. Идеология большевизма совпадала с идеологией русского православия. Православие, в отличие от протестантизма, который мощно стимулировал частную инициативу и личное обогащение, проповедовало бедность и воздержание, нежелательность накопления материальных благ. Большевизм тоже призывал к бедности, воздержанию и терпению ради этого светлого коммунистического будущего. Таким образом, население России было готово к восприятию большевистской демагогии.

А.В. Чертишев:

На мой взгляд, главными агентами исторического развития являются массы и власть. Без изучения того, как политические идеи овладевают массовым сознанием, невозможно создать теоретические модели, адекватно отражающие исторический процесс, в т.ч. и события 1917 г.

Одной из характерных сущностных особенностей массового сознания, на наш взгляд, является то, что оно носит конкретно-исторический характер. В массовом сознании относительно широкое распространение получают элементы, активно отрицающие большинство реалий данного общества. Кардинальные изменения происходят в массовом сознании, когда жизнь людей получает особое напряжение, как, например, во время революций. Оно становится более динамичным и открытым.

Революция 1917 г. привнесла в массовое сознание много новых специфических элементов. Массы почувствовали себя вершителями своей исторической судьбы. Произошло, с одной стороны, превращение социалистических идей в едва ли не главный компонент сознания масс, а с другой – упрощение многомерных социальных конфликтов до противостояния «верхов» и «низов», «чужого» и «своего», «старого» и «нового». Сыграл свою роль и феномен подмены образа «внешнего» врага образом «классового» врага.

Анализ способов индоктринации идей в массовое сознание позволяет прийти к заключению, что наиболее эффективно этот процесс может решаться в рамках системного использования трех так называемых образов восприятия: образа-информации, образа-значения и образа ожидаемого будущего. Эффективность действий Ленина

и его сторонников по овладению стихией массового сознания следует связывать не только с созвучием лозунгов большевиков насущным потребностям масс и отказом от каких-либо этических ограничений.

На мой взгляд, изучение роли массового сознания в событиях 1917 г. весьма актуально и сегодня. Оно позволяет сделать некоторые выводы.

1. Мы не сможем рассчитывать на лучшее будущее, пока не преодолеем укореившуюся привычку лгать самим себе по поводу собственной истории.

2. Народ, Родину, как и родителей, не выбирают.

3. Невозможно создать современное цивилизованное государство, сохраняя старое предстание, будто есть социальные слои и люди, которые своим умом не могут постичь свои подлинные интересы, что их «за уши» надо тащить к счастью.

4. Решающим критерием общественных преобразований должно являться их соответствие коренным жизненным интересам людей.

5. Руководители страны должны обладать инстинктом надвигающейся смуты, а для этого обществу крайне необходимы открытый диалог, свободное слово, не ограниченное ни государственной цензурой, ни указами президента. Нужно желание и нужна готовность услышать то, что на самом деле жизненно необходимо народу.

М.И. Ивашко:

Одним из важных направлений изучения смуты начала XX в. является вопрос о роли Русской православной церкви в событиях 1917 г.

Объективный анализ этих событий свидетельствует о том, что РПЦ не смогла остановить сползание страны в хаос. Священный синод как орган управления церковью зачастую проявлял нерешительность и тянулся в хвосте событий. Это отрицательно сказывалось на авторитете церкви на местах. Подавляющее большинство приходского духовенства либо находилось под влиянием революционно настроенных масс, либо было деморализовано падением самодержавия. Одновременно наблюдался процесс отхода общества от церкви, ослабевала связь духовенства с прихожанами. Почему церковь не смогла предотвратить революцию и гражданскую войну? Почему «богобоязненный» и «богоизбранный» народ вышел из-под контроля церкви?

Ответ на эти вопросы, на мой взгляд, следует искать, прежде всего, в той системе государственно-церковных отношений, которая к началу XX в. сложилась в России, в обстановке внутри самой церкви.

Со времен Петра I РПЦ, по существу, являлась частью государственного аппарата. Церковь была лишена возможности играть самостоятельную роль в общественной жизни. В результате этого в конце XIX — начале XX вв. возник так называемый «обновленческий» раскол. Все это вело к тому, что церковь теряла своих приверженцев.

Ситуация усугублялась тем, что происходило общее падение религиозности российского общества. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что в структуре религиозности российского общества преобладало обрядоверие. Именно этим объясняется тот «индифферентизм», который наблюдался в обществе по отношению к церкви в годы революции и гражданской войны.

Н.В. Асонов:

Российская смута — явление весьма сложное и противоречивое. Традиционно, в узком смысле, под «смутой» мы понимаем события начала XVII в. В широком смысле — это серия таких периодов в истории нашей страны, которые характеризовались системным кризисом, ведущим к полной или частичной модернизации социально-политической системы России на принципиально иных началах, взятых у Запада. Причем каждая модернизация была связана с революционным обновлением страны, все больше и больше «подтягивающим» Россию к Западу за счет отрицания своего собственного исторического опыта.

Современный системный кризис является новым аргументом в пользу тезиса о том, что на российскую смуту нельзя смотреть только как на результат несовершенства национальной социально-политической системы. Следует помнить, что против нашей страны ее противниками давно ведется идеологическая и экономическая агрессия, одним из элементов которой является создание и поддержание «пятой колонны». «Пятая колонна» создает необходимые условия для раскола страны, способствует проникновению в Россию чуждой ей системы ценностей. Через российскую смуту политическая элита Запада расширяет свою власть над всем миром.

Не случайно, что смута, совершенно не характерная для России до XVII в., становится ее «визитной карточкой» в Новое и Новейшее время. Именно тогда Россия получила возможность вплотную познакомиться с Западом. Она стала перенимать политические ценности Запада, отрицающие православное понимание государства и власти. Это шатание среди чуждых идеологий вело Россию к кровавым потрясениям. На мой взгляд, сегодня через современную российскую смуту мир подошел к последней фазе глобализации, убивающей остатки социально-политической самобытности разных народов.

М.Ю. Черниченко:

Изучение дискурсивных практик открывает новые возможности в изучении революций. Период Гражданской войны в России — один из самых ярких периодов «русской смуты», повлекшей за собой целый ряд кризисных явлений в политике, экономике, культуре, идеологии, религии, которые воздействовали на сознание населения, модифицировали языковую реальность. Этот процесс нашел свое отражение в периодической печати. В периодике, выходящей на территории, подконтрольной белым правительствам Юга России, одной из самых острых тем был экономический кризис. Интерес к этой тематике диктовался стремлением повлиять на экономическую политику, а также желанием отразить отношение населения к ней. Интерес населения к экономической тематике понятен: речь шла о том, как выжить в условиях гиперинфляции и товарного дефицита. Не случайно, что многие материалы посвящены таким проблемам, как курс рубля, цены на сырье, продовольствие и товары первой необходимости, спекуляция, транспорт, внутренняя торговля, импорт, регулирование хозяйственной жизни и т.д.

Изучение этого экономического дискурса позволяет по-новому оценить реакцию населения на экономическую политику белых правительств, выявить динамику «капиталистического» и «антикапиталистического» в массовом сознании.

В.П. Булдаков:

Спасибо. Мне остается только попытаться достойно завершить нашу дискуссию.

Мы забываем, что понятие революции использовалось по преимуществу политиками и теоретиками, а образ смуты — писателями и художниками, которые опира-

лись на бытовые народные представления о происходящем. Они фактически говорили на разных языках, причем первый грешил умозрительностью, второй — приземленностью. Логическое отличие смуты от революции может быть лишь в том, что в ней гипертрофирован эмоциональный момент, а модернизационный компонент либо приглушен, либо постепенно сходит на нет. В известном смысле это отражало новое и старое представления об истории, связанные с эпохой Просвещения. Между тем, смута — это заведомо архаичное явление. Революция, напротив, связывается с эпохой модерна. Надо, между прочим, учитывать и то, что российское образованное общество в целом пребывало в совсем ином культурно-историческом измерении, нежели народные массы. Так как же оценивать соотношение революции и смуты в реальной российской истории?

Мне думается, что, прежде всего, надо научиться говорить на языке реальной российской истории. Когда я назвал свою книгу «Красная смута», то использовал образ, вовсе не намереваясь внедрить новое понятие. Этот образ казался мне куда более емким, более точно соответствующим реалиям, нежели привычное, заведомо усеченное понятие «революция». Строго говоря, революция — это просто переворот, а смута — это, прежде всего, отсутствие привычного порядка, создающее впечатление хаоса.

Известен такой феномен, как «самообольщение разума». Человеческая логика склонна пересоздавать мир путем усекновения смыслов и манипуляции ценностями. Приведу наиболее свежий и, возможно, «масштабный» пример. Нынешний кризис, как известно, именуют не иначе как финансовым. Так проще. На деле он имеет более глубокие причины. Прежде всего, кризис является следствием эрозии фундаментальных ценностей буржуазной цивилизации. Так называемая трудовая этика окончательно уступила место морали «большого хапка». Можно оценить ситуацию и по-другому. Воображаемое подавило реальность, что привело к тотальной деформации ценностей, на которых основывается современное общество. «Виртуальное» пространство с его собственными логическими зависимостями вздумало управлять пространством реальным. И надо заметить, что Россия, избавившись от

коммунистической автаркии, внесла в это весьма весомый вклад. Сначала самим фактом распада «красной империи», а затем посредством претензий на энергетическую гегемонию. В связи с этим можно говорить о том, что мир ожидает смута, а не просто кризис (который якобы можно элиминировать посредством нескольких простейших манипуляций в центре современной мир-системы). Разумеется, о параметрах ее может сегодня рассуждать лишь безответственный фантазер. Впрочем, к России все это может иметь весьма отдаленное отношение. Разумеется, если власть «прозреет».

Существует и другой аспект проблемы. Почему-то, говоря о революции, мы всякий раз исходим из вопроса: «Что она дала?» Но что может дать смута, которая представляет собой процесс самоорганизации хаоса, никем не контролируемый по определению? И во что он может вылиться, кроме архаизации (в форме обновления) прежних структур и иерархий? И стоит ли спорить со стихией даже тем людям, которые ее развязали?

Мне кажется, что, говоря о смутах, а не революциях, мы тем самым избавляемся от некоторых стереотипов сознания, которые вольно или невольно сковывают познавательный процесс и даже ментальность в целом. В частности, «красной смуте» был навязан образ социалистической революции, и этот миф — как и всякий иной — оказался удивительно живучим. Но нужен ли он нам сегодня?

Конечно, смута — это, прежде всего, образ, метафора. Но эта метафора несет в себе важное познавательное содержание. Строго говоря, «принципиальное» отличие ее от революции (имеется в виду идеальный тип) только одно — это гипертрофированность эмоционального в ущерб рациональному. Это естественно и закономерно в связи с господством в российских массах традиционного, синкретичного типа сознания. В смуте людьми движет уже не разум, а инстинкт, не программы, а утопии. И вряд ли стоит обольщаться относительно соответствия известного рода программ чаяниям народного большинства. Если бы революционная власть изначально «разговаривала» с народом на одном общем языке, о судьбе революции беспокоиться бы не пришлось.

Я не хотел бы касаться вопроса методологии, имея в виду наличие «готовой»

теории, объясняющей российские смуты. Всякая теория, увы, успешно «работает» до тех пор, пока она не особенно тесно соприкасается с реалиями. К тому же мы слишком привыкли подгонять действительность к теории, а не наоборот. Ограничусь некоторыми общими замечаниями.

Сегодня много говорилось о крестьянстве. Это не случайно. В период смуты/революции громадное значение приобретает проблема «молчаливого» большинства, не атрибутированности его психоментальных установок. Соответственно этому стоило бы вопрос об императивах его поведения приподнять на «государственно-онтологическую» высоту.

Давайте вспомним о факторах, обуславливающих особенности его «революционного» поведения. Прежде всего, нельзя забывать, что в основе российского крестьянского хозяйствования лежал аграрно-миграционный принцип — так называемое мигрирующее земледелие. Этим объясняется стремление государства «закрепостить» основное производительное сословие. Заметим, что российские пространства чудовищно усложняли эту задачу. Отсюда сложности со сбором налогов, без которых государство существовать не может. В свое время монголы «решили» фискальную задачу, упорядочив процедуру чисто силовым путем. Посвоему решили они и проблему коммуникаций, внедрив ямскую службу. Тем не менее российское социокультурное пространство оставалось «рыхлым», «клочковатым», «анклавным», поведение основной массы населения — «стихийным», «алогичным», «смутным», т.е. «непереводимым» на язык рационально мыслящей бюрократии. Отсюда дилемма: либо подтягивать культурный уровень населения (что было крайне затруднительно), либо не просто закрепощать сословия, а искусственно структурировать все социальное пространство (то есть, применять к нему «избыточное» силовое давление).

В России изначально ослаблен так называемый коммуникативный разум (Ю. Хабермас), потому что государство всегда подавляло его. Он включался только в экстремальных ситуациях и проявлялся во всеобщем недовольстве и последующем «всенародном» преодолении смуты.

Возвращаясь к вопросу о «слепоте» власти, хочу напомнить, что сценарий

1917 г. был предсказан еще в 1914–1915 гг., причем самыми разными людьми. Власть не нашла в себе сил на адекватные действия. Развал СССР также был предсказан еще в 70-е гг. целым рядом западных советологов (Р. Пайпс, Х. Сетон-Уотсон, Э. Каррер д'Анкосс) и отечественными диссидентами. Чтобы «увести» от смуты, требуется совершенно иной тип лидерства (именно лидерства, а не только управления). Система не смогла его предложить. Течение смуты предполагает ротацию харизматических лидеров. На смену Керенскому не случайно пришел Ленин. На месте Горбачева не случайно оказался Ельцин. Более того, следовало бы обратить внимание, что сегодня мы забываем о былой «горбомании» и особенно «ельциномании». Тем более, не отказываемся проводить аналогии с 1917 г. Дело не только в известном феномене «стыдливой забывчивости», который характеризуется тем, что новые ожидания, адресованные нынешней власти, подспудно вытесняют «дурные» эмоции прошлого.

В заключение хотел бы обратить внимание на еще один важный момент. Перманентная отчужденность государства от податных сословий приводила к тому, что «снизу» оно казалось всесильным. На деле оно оставалось слабым и «подлеповатым», и не могло быть иным. И этот момент также сказывался на ходе революции. В период смуты надежды на власть и элиты всегда были непомерными, что, безусловно, усиливало хаос.

В связи с этим следует признать, что отмеченное сегодня своего рода противостояние понятий смуты и революции имеет глубокую культурно-историческую природу. Из этого следует только одно: исследователь должен мысленно корректировать привычные термины соответственно их историческому наполнению. Продуктивно рассуждать о российской истории можно только прочувствовав ее культурно-антропологическую «боль», т.е. постигая смуту «изнутри». В этом смысле социологические абстракции и, тем более, политологические «генерализации» не только бесполезны, но и опасны. Российские смуты, повторяясь, в значительной степени связаны с «самообольщениями разума», провоцирующими непомерные надежды и неуправляемые страсти. Надеюсь, что в этом смысле наш круглый стол окажется небесполезным.